

«Благогласие слова»

(О лексикографическом опыте А.И. Солженицына)

В статье рассматривается необычный лексикографический опыт А.И. Солженицына (1918–2008) по составлению историко-культурного тезауруса забытых слов, извлеченных из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и произведений поэтов и писателей XIX–XX вв. с целью применения этих слов в современной речевой практике. Обращается особое внимание на экофилологическую проблематику словарной работы, призванной охранять народный и литературный язык от неумеренного использования заимствований и искажения природного облика слова.

Ключевые слова: *лексикография; словесная культура; экофилология; диалект; литературный язык и народная традиция.*

Oleg V. Nikitin

«Blagoglasie slova» (About Lexicographical Experience of A.I. Solzhenitsyn).

The article considers the unusual lexicographical experience of A.I. Solzhenitsyn (1918–2008) on compiling the historical and cultural thesaurus of the forgotten words from «Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka» by V.I. Dal' with the purpose of its regeneration and using in the modern speech. The specific attention is paid to ecophilological problematic of the lexicographical work for keeping the popular and literary language safe from unreasonable use of borrowings and deformation of natural word image.

Key words: *lexicography; verbal culture; ecophilology; dialect; literary language and popular tradition.*

Лучший способ обогащения языка — это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств.

А.И. Солженицын.

«Русский словарь языкового расширения»

Русский словарь языкового расширения» А.И. Солженицына, вышедший в 1990 г., совсем небольшой по объему. Работая над «Словарем», писатель ставил перед собой задачу — восстановить в памяти нынешнего «техногенного» поколения благозвучие и смысл исконного слова, поднять его из небытия архивов и исторических хроник, возродить дух народной культуры, научить слышать и понимать широкую гамму красок живой речи. В «Словаре» А.И. Солженицына нет

чуждых русскому языку слов, даже если они и сочинены мастерами-стихотворцами или талантливыми писателями.

В кратком «Объяснении» к своему труду автор написал, что заинтересовался «работкой далевского словаря» в 1947 г.:

Для этого я сперва читал подряд все четыре тома Даля, очень внимательно (так у автора. — О.Н.), и выписывал слова и выражения в форме, удобной для охвата, повторения и использования. Затем нашел эти выписки еще слишком громоздкими и стал из первой выжимки вытягивать вторую, а затем из второй третью [Солженицын 1990: 3].

Первоначальный замысел А.И. Солженицына был, очевидно, связан с его писательскими интересами и поиском художественного призвания, своего почерка. Он вполне осознавал недостаточность своих знаний по «великорусскому языку»:

Вся эта работа в целом помогла мне воссоздать в себе ощущение глубины и широты русского языка, которые я предчувствовал, но был лишен их по своему южному рождению, городской юности, — и которые, как я все острее

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор

E-mail: olnikitin@yandex.ru

ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»

ул. Веры Волошиной, д. 24, Мытищи, Московская область, 141014, Россия

Moscow Region State University

24 str. Very Voloshinoy, Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Никитин О.В. «Благогласие слова» (О лексикографическом опыте А.И. Солженицына) // Русский язык в школе. — 2018. — № 9. — С. 75–79. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-75-79.

понимал, мы все незаслуженно отбросили по поспешности нашего века, по небрежности словоупотребления и по холосташему советскому обычаю [Солженицын 1990: 3].

Постепенно представление о смысле чтения классического словаря переросло из увлечения в потребность учиться и учить других этому благовесту — родной речи. А.И. Солженицын замечал:

И мне захотелось как-то еще иначе восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутя к нему — особенно для тех молодых людей, в ком сильна жажда к свежести родного языка... И вообще для всех, кто в нашу эпоху оттеснен от корней языка затертостью сегодняшней письменной речи. Так зародилась мысль составить «Словарь языкового расширения» или «Живое в нашем языке»: не в смысле «что живет сегодня», а — что еще может, имеет право жить [Там же].

Кроме тезауруса народной речи В.И. Даля, при работе над «Словарем» А.И. Солженицын использовал произведения В.П. Астафьева, В.И. Белова, И.А. Бунина, Н.В. Гоголя, А.А. Григорьева, Ф.М. Достоевского, С.А. Есенина, Е.И. Замятина, С.А. Клычкова, В.О. Ключевского, А.В. Кольцова, Ф.Д. Крыкова, Н.С. Лескова, Д.Н. Мамин-Сибиряка, П.И. Мельникова-Печерского, А.Н. Островского, А.Ф. Писемского, А.С. Пушкина, В.Г. Распутина, А.М. Ремизова, А.К. Толстого, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.И. Тютчева, Г.И. Успенского, И.С. Шмелева, В.М. Шукшина. В «Русский словарь языкового расширения» вошли также «исторические выражения, сохраняющие свежесть; и слышанные мною самим (Солженицыным. — О.Н.) в разных местах — но не из штампов советского времени, а из коренной струи языка» [Там же].

Прежде чем читать и анализировать «Словарь», надо понять замысел его автора — не филолога или академического работника, а художника слова. Лингвистические наброски, которые вместо теоретического предисловия делает А.И. Солженицын к тексту книги, говорят о его личных предпочтениях. Он хотел ухватить из прошлого мелодию слова, в гармонии его природной стихии, и найти в нем нечто такое, что будет светить под лучами животворного источника духа языка. Он писал об этом так:

Повышенное внимание я уделял наречиям и глагольным существительным мужского и женского рода, ценя их энергию. Я опирался

на личное языковое чутье, примеряя, какие слова еще не утеряли своей доли в языке или даже обещают гибкое применение. И когда таким словом я находил областное, старинное или церковное — я и включал его, часто без ограничительной ссылки: по их неутерянной выразительности такие слова имеют достоинство к жизни и распространению [Там же: 4].

Исследование стандартного, общепринятого бытования лексемы не учитывает контекста — временного, индивидуального, территориального — того культурно-исторического ландшафта, в котором развивается слово. Потому так важно для А.И. Солженицына не сужение (норма), а расширение границ словотворчества (антинорма). «В словарном расширении, — писал он, — мы встречаем слова сотен новых оттенков, непривычного числа слогов и еще никем не употребленных рифм» [Там же].

А.И. Соженицын — очень тактичный лексикограф, оттого многие его примеры, включенные в книгу, остаются без семантических комментариев, например: *забиячество* [Там же: 66], *злоречить* [81], *искупимый* [88], *крутобережье* [98], *ладонь озера* [100], *легконравный* [101], *нашеземец* [128], *недовидеть* [130], *перекривляка* [169], *раскрасава* [212] и мн. др. В таких случаях писатель ориентируется на звукопись речи, ее корнеслов, имеющий часто глубинные праславянские связи. А.И. Солженицын вызывает к природному чутью любознательного читателя, как бы «подсказывает мысль о возможном» применении слова, что важно в контексте авторской работы над книгой: «В некоторых случаях объяснение не дано для большей свободы использования, простора воображения» [Там же].

Этого же принципа А.И. Солженицын придерживался и при описании грамматических свойств слов: минимум рекомендаций и только в тех случаях, когда надо указать правильное управление, например: «*усовершенять* что» [Там же: 252], или действие по глаголу типа «*усыл, усылка*»; «*утай, утайка*» [253], его свойства — *глубенеть* «становиться глубже» — безличный глагол [49], или родовую принадлежность вроде «*сухоньра* 'пройдоха', «*сьедуга, заедуга* 'сварливый ч<е>л<о>в<ек>'» с пометами «об.» [238] — общий род и т.п. Автор так пояснял это неакадемическое правило:

Грамматические категории слов, для сокращения объема, указаны далеко не везде, а лишь где мне это казалось нужным в пособленье. Род

существительных большей частью самопонятны, наречия отмечены чаще, по их непривычности. Плаголы не всегда приводятся в паре (несовершенный и совершенный вид), иногда только один из пары или объясняется только один из двух — который я нахожу более выпуклым, выразительным [Солженицын 1990: 4].

Гораздо богаче представлены в «Словаре» локальные пометы, которые под художественным пером писателя тоже приобрели расширительное понимание. Это не только указания на диалекты: *безымень* — архангельское [Там же: 15], *берея* ‘женщина, собирающая ягоды’ — архангельское [21], *вечере* ‘в нынешний вечер, сегодня вечером’ — вологодское [28], *дождь гудёт* ‘течет струей, с гулом’ — южное, рязанское [53], *дикий* ‘шальной, малоумный’ северное [56], но и на стилистическую окраску слов: *ветрогон*, *глупендй*, *дурандашник*, *злодырь*, *крапивное отродье*, *башка незаплатанная* и др. — бранные; или книжный характер слов типа *вiace* ‘больше по числу, количеству’ с пометой «стар<инное>» [48], *горе* в первом значении ‘высоко вверх’ с пометой «ц<е>рк<овное>» [50]. Встречаются в тексте также слова с пометами «старообрядческое», «песенное», «сказочное», «народное», «тюремное», «лагерное».

Книга завершается тремя приложениями. В первом — «Добавления» — автор поместил несколько десятков слов из произведений А. Малышкина (*баловливо*, *бегучий*, *кружительный*, *непочётливый*, *скребучий голос*, *чертоломно* и др.), В. Распутина (*безгордый*, *во всю дюженьку*, *изначалье*, *искачествовать*, *окид взгляда*, *разночудье*, *рукоумелье*, *староречие*, *чуднозвучие* и др.) и некоторые «исторические выражения» (*безбожество*, *благоповедение*, *глубокословный*, *небезудивительный*, *нечаятельный поступок*, *продерзость*, *произыскание* и др.) [Там же: 267].

Во втором приложении — «О лошадях» — А.И. Солженицын рассказывает о мастьх лошадей: *вороночалая* ‘вороная со сплошной примесью белесой или рыжей шерсти, навис черный’ [Там же: 268], *гнедая* ‘рыжая, бурая, а навис черный’ [Там же], *голубая* ‘пепельного цвета, мышастая’ [Там же], *изабеловая* ‘светловолосая, изжелта белесоватая’ [Там же], *каурая* ‘рыжая впрожелть, навис такой же или светлей’ [269], *навис* ‘хвост и грива у коня’ [Там же], *саврасая* ‘рыжая впрожелть, навис черный; светлогнедая с желтизною’ [270] и т.п.; об

их характере и «душевных» качествах: *осадчивый конь* ‘послушный на попятку, мягкий на удила’ [269], *лошадь остегалась* ‘обтерпелась, не боится кнута’ [Там же], *отрясчивая лошадь* ‘не стоит спокойно на месте’ [Там же] и др.; об упряжи, кличках. Автор приводит звонкие обороты речи: *потуривай лошадей, пошёл!* [270]; *угоил ты лошадку!* с пометой «ир<о>н<и>ч<еское>» — ‘загнал’ [271], художественные образы: *лошадь носит боками* ‘тяжко дышит’ — из Л.Н. Толстого [269], *гонять лошадей на прогулку* — из И.С. Шмелева [270], *спотыкливая лошадь* — из И.С. Тургенева [271].

В третьем представлены отдельные бранные слова, в том числе и писательские окказионализмы из произведений Е.И. Замятина вроде *голова-два-уха*, *лешейбойник*, *окаяха*, *отерхан*, *оторвяжник*, *чудород* [272].

Можно сказать, что А.И. Солженицын в своем оригинальном творении представил концепцию экофилологии языка: он пытался вмешаться в эволюцию его форм и мечтал о том, чтобы оживить красивыми и редкими словами современную речь. Этот опыт не единичен в отечественной традиции (см.: [Хроленко 2017: 239–241]) и чрезвычайно полезен как осмысленная идея сбережения самого главного культурного богатства России — ее языка, а значит — этнической самобытности народа, того, что называют «русскостью». Современный исследователь этой проблематики А.Т. Хроленко верно подмечает, что языковая глобализация XXI в. разрушительно действует на природу национальных языков: облегчает коммуникацию, заменяет ее информационными технологиями, упрощает и коверкает устное и письменное общение [Там же: 101–103]. На первый план выходит так называемая массовая культура — обезличенная, подражательная, крикливая и пустая. «Словарь» А.И. Солженицына в значительной мере — выступление против «оболонизации» интеллекта. Писатель призывал читателей прильнуть к богатствам родного языка, не отгораживаться от него стеной, быть разумными и внимательными к философии обычного слова, дорожить им, защищать русскую речь. Об этом заботились наши великие филологи прошлого И.И. Срезневский, Ф.И. Буславев [Никитин 2018], А.А. Шахматов, писатели и поэты Пушкинской плеяды, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, видевшие

в слове сакральный смысл, сильный инструмент влияния на общество, его интересы и в конечном счете прозревавшие в нем будущее России.

«Словарь» А.И. Солженицына не следует оценивать с привычных научных позиций и применять к нему строгие критерии исследовательского подхода в том понимании, которое свойственно лексикографической традиции. Он занимает «особое место среди словарей устаревших и редких слов» [Шимчук 2003: 83]. Автор вполне ясно об этом писал в «Объяснении»: «...этот словарь противоположен обычному нормальному: там отсеивается все недостаточно употребительное — здесь выделяется именно оно. Словарь составлен *не по привычным нормам* (здесь и далее курсив наш. — О.Н.), и я не претендую ни на какую научность обзора. Этот словарь имеет цель скорее художественную» [Солженицын 1990: 4]. Неудивительно поэтому, что после выхода в свет «Словаря» его ожидала резкая критика: филологи выискивали ошибки и нестыковки, обвиняли автора в плагиате и примитивизме, укоряли его в незнании основ лексикографии и т.д. (см., например, статьи И.Г. Добродомова [1997], А. Плущера-Сарно [Электронный ресурс]). Не вступая с ними в затянувшийся спор, скажем, что «Словарь» А.И. Солженицына — прежде всего книга для чтения, а не научный труд. В ней не стоит искать каких-то «структурных схем» и логики словарных статей. То, чему современные лексикографы уделяют особое внимание, — семантике текста, точности определений, омонимичности значений слов, стилистическим пометам, без которых не может состояться стандартный словарь, неприменимо к авторскому опыту. В основе солженицынского «Словаря» лежит иная идея: обогатить литературный язык яркими примерами диалектизмов, редкими эпитетами, синонимами современных слов, которые вышли из повседневного обихода, но без них эта лакуна остается ничем не заполненной или, точнее, пребывает в культурном безвременье новояза.

О феномене Даля — Солженицына уже пишут как о культурном явлении, подчеркивая «эффект художественности» «Русского словаря языкового расширения». В то же время, например, М.Н. Эпштейн отмечает и другую сторону этого интересного эксперимента, сравнивая двух лексикографов: «Если Даль — романтик национального

духа и языка и почти бессознательный мистификатор, то Солженицын сознательно усиливает эту далевскую интуицию и по линии кропотливой реставраторской работы (черпает у Даля), и по линии модернистского изыска (отбирает только не вошедшее широко в язык, самое “далевское” у Даля)» [Эпштейн, Электронный ресурс].

«Словарь» А.И. Солженицына показывает скрытые возможности просторечия, некоторых бранных слов, обаятельных местных речений — и в целом свидетельствует о высоком потенциале разговорной стихии. Быт слова, по А.И. Солженицыну, — это его смысловой орнамент, живая морфология, звучная фонетика, рожденные часто не по правилам и не подчиняющиеся законам нормированного языка, но своей образностью и неповторимостью красок они гармонируют с духом языка, его историей и мифологией и несут в себе отпечаток характера русского народа (см.: [Никитин 2018]). Как удивительно красивы и ладны на слух выбранные им слова: *безграмотство* Г.И. Успенского [Солженицын 1990: 12]; бунинское *инобытный* [87]; *истайна* [89], *она все со своим обнимышем* — о ребенке [143], *ни хмурилки в небе* В.П. Распутина [256]; *исчуужи* Н.С. Лескова [90]; бранно-ласковое *канальюшка* [91], *кипь работы* А.М. Ремизова [91]; *класть худую славу*, *наклёванная ягода* [92], *лиходейная раздука* С.А. Есенина [102]; *лозготуха* ‘тараторка’ [103], *лысить жердь* ‘стёсывать кору’, *любозрители* ‘зеваки’ [104], *на дворе мглит*, т.е. стоит мгла [107], *межпогодье* В.П. Астафьева [107]; *чужеумный* Ф.И. Тютчева [262] и т.д.

Эту книгу А.И. Солженицын писал для себя, «для своих литературных нужд и языковой гимнастики» [Там же: 3], стремясь заполнить первозданным словом пропасть «образованщины», а также и для тех неравнодушных читателей, которые хотят уйти от «штампов советского времени» [Там же]. В этом смысле «Словарь» выполнял еще и социально-историческую функцию: филологическое и человеческое возмущение его автора словесными лозунгами коммунистической эпохи имело политический подтекст, но, по сути, было глубоко выстраданным личным опытом воскрешения духа слова. Здесь великого писателя можно поставить в один ряд с такими творцами, как В.И. Даль и Н.С. Лесков, Д.Н. Ушаков и С.И. Ожегов, боровшихся за дух слова (см., например: [Никитин 2012]). В этом

контексте важна и такая черта «Словаря», подмеченная И.Ю. Малыгиной: «Жизнь слову дает писатель — именно это демонстрирует А. Солженицын, включая лексику из словаря, из произведений русских писателей в собственные тексты, показывая его силу и энергетику воздействия на читателя» [Малыгина 2016: 38].

Не случайно традиция «языкового расширения» слова была близка А.И. Солженицыну. Он жил этой возвышенной спасительной мыслью — идеей народного языкотворчества — долгие годы. Александр Исаевич пронес свое слово сквозь страшные испытания ГУЛАГа, советский котлован несбыточных фантазий, где то самое природное слово превратилось в инструмент идеологии. А.И. Солженицын всегда отстаивал иное назначение Божьего дара человека — прививать любовь к ближнему, крепить и множить ее через живое слово. «Языковая гимнастика», который увлекал писателя, — развитие чувства и воображения, своего рода полет во времени без стилистических границ по летописным страницам истории родной культуры, где за каждым росчерком пера — не просто расписная миниатюра, а целый сюжет, биография, «вселенная в алфавитном порядке».

Необычный лексикографический эксперимент А.И. Солженицына по сохранению и приумножению словесного полотна народных узоров притягателен не только своей концепцией экофилологии. Он содержит призыв к нам сберечь родную речь, дорожить каждым ее отблеском, питаться благогласием оттенков радуги русского языка, вопреки «продерзостям» неугомонной эпохи и смятению мысли. Родной язык живет вместе с нами и в нас до тех пор, пока его остов крепок и упругие ветви мудрости книжных веков, соединяющих истину и добро, разум и праведность, тянутся к божественному свету словотолкования.

ЛИТЕРАТУРА

Добродомов И.Г. Буртасское слово жгонского языка на постмерянской территории (Из материалов Русского словаря языкового расширения А.И. Солженицына) // *Russian linguistics*. — 1997. — Vol. 21. — № 3. — С. 275–286.

Малыгина И.Ю. «Русский словарь языкового расширения» А.И. Солженицына как форма «диалога» с русскими писателями XX в. (А. Солженицын, Е. Замятин, И. Шмелев) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — Тамбов, 2016. — № 1. — Ч. 2. — С. 34–39.

Никитин О.В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография. — Славянск-на-Кубани, 2012.

Никитин О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // *Русский язык в школе*. — 2018. — № 5. — С. 79–86.

Плутсер-Сарно А. О «Словаре языкового расширения» А.И. Солженицына // [Электронный ресурс]. — URL: http://plutser.ru/histogy_dictionary/hslang/ustar_slovar5/ (дата 17.09.2018).

Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. — М., 1990.

Хроленко А.Т. Введение в экофилологию: учеб. пособие. — М., 2017.

Шимчук Э.Г. Русская лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. — М., 2003.

Эпштейн М. Слово как произведение: о жанре однослова // *Новый мир*. — 2000. — № 9 [Электронный ресурс]. — URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/9/epsh.html (дата 17.09.2018)

REFERENCES

Dobrodomov I.G. Burtasskoe slovo zhgon'skogo yazyka na postmeryanskoi territorii (Iz materialov Russkogo slovaryazykovogo rasshireniya A.I. Solzhenitsyna), in *Russian linguistics*, 1997, Vol. 21, № 3, pp. 275–286.

Malygina I.Yu. «Russkii slovar' yazykovogo rasshireniya» A.I. Solzhenitsyna kak forma «dialoga» s russkimi pisatelyami XX v. (A. Solzhenitsyn, E. Zamyatin, I. Shmelev), in *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov, 2016, № 1, P. 2, pp. 34–39.

Nikitin O.V. Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari): monografiya, Slavyansk-na-Kubani, 2012.

Nikitin O.V. «Filologiya duha». Fedor Ivanovich Buslaev kak yazykovaya lichnost' (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya), in *Russkii yazyk v shkole*, 2018, № 5, pp. 79–86.

Plutser-Sarno A. O «Slovere yazykovogo rasshireniya» A.I. Solzhenitsyna, available at: http://plutser.ru/histogy_dictionary/hslang/ustar_slovar5/ (17.09.2018).

Russkij slovar' yazykovogo rasshireniya / comp. A.I. Solzhenitsyn, Moscow, 1990.

Hrolenko A.T. Vvedenie v ekofilologiyu: uchebnoe posobie, Moscow, 2017.

Shimchuk E.G. Russkaya leksikografiya: uchebnoe posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii, Moscow, 2003.

Epshtein M. Slovo kak proizvedenie: o zhanre odnosloviya, in *Novyi mir*, 2000, № 9, available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/9/epsh.html (17.09.2018)